

— Мама, Мама! — прыгающая девочка, как новенькая игрушка посреди прилавков магазина, так и пестрила своей новообретенной энергией и силой. словно ей поменяли батарейки на новые, а старые выбросили в корзину для утилизации, девочка, не больше семи лет, плюхнулась на кровать матери, где та проводила большую часть своего времени. — Он пришел! Он пришел к нам!

Серые глаза, которые уже давно утратили былой задор, сомкнулись, а сидящая на кровати женщина мягко улыбнулась. Она не была так молода, как могло показаться, и время уже забирало свое. Молодость медленно покидала эти, некогда, бархатные руки, а вокруг глаз так же медленно, как ползёт улитка по траве, являлись все новые и новые морщины.

Не смотря на свой грузный вид, эта женщина не была несчастной. Пусть и прикована к постели из-за ужасной травмы во время родов, но она все так же, остаётся счастливой. Поскольку век её подходил к концу, а родить ребенка она и не надеялась вовсе, можно сказать, что теперешнее положение дел, было тем, чего она и жаждала. Для кого-то, невозможность ходить, серьезная травма, но будь у этой угасающей женщины ещё один шанс, отправь её назад во времени какой-нибудь великий волшебник, и она вновь влюбилась бы в того щуплого, но до боли обольстительно парнишку, и вновь бы зачала с ним такую маленькую, но миленькую дочурку.

— Кто же ко мне пришел, солнышко? — по правде говоря, Аннет, узнает все новости с небольшим опозданием. Не больше одного дня, пока муж не навестит её и не расскажет, или же, пока не вынесет её на крыльцо, где женщина воочию могла бы увидеться с односельчанами.

А иногда, как сегодня, к ней вбегала её родная кровиночка и с взволнованным лицом рассказывает что-то очень и очень важное.

— Ну как же, мам, ты не помнишь? — женщина слегка пожала плечами, определенно высказываясь о том, как хорошо она помнит все те сказки, о которых ей рассказывает дочурка.

А девочка слегка грустно вздохнула, сжала губы в тонкую нить, и уже собиралась признаться, как двери в дом распахнулись. На пол ступил знакомый тяжеленный сапог.

— Папа! — «маленький ураган», и вовсе позабыл о собственных мыслях, так и оставил женщину по-своему склонять голову и гадать, о чем же таком говорила её дочь.

В прихожей послышался знакомый хохот, а щуплый мужчинка с горбатым носом уверенно поднял на руки Мию, свою дочь. Не смотря на кажущуюся худобу, мужчина мог по праву считаться одним из самых сильных охотников в деревне.

Как занимательно считала мать Мию, её отец — Кандар, одевал на ноги простые, но очень твёрдые и тяжёлые сапоги. Приговаривает Кандар, все повторяя: «Что бы не сдуло ветром».

— Дорогой, — громче обычного, так звала женщина своего мужа к себе. За дверью, притихло большинство звуков. Шаги тяжёлые, длинные, а за ними, легкие, короткие. Открыв дверь в комнату вошёл... верно, вошёл ещё вчерашний юноша. Двадцать пять лет, больше дать ему невозможно и то, лёгкая щетина старила охотника, и без неё навскидку, ему можно дать и двадцать один год, что при сорока у женщины, для неподготовленного могло вызвать диссонанс, учитывая их семилетнюю дочь.

Мать Мию, никогда не признается в этом чужим, и даже своим, но, когда оба родных человека вот так, вместе встают у неё на глазах, ей кажется, что перед ней стоит брат и сестра.

— Дорогой... — и вновь ощутив себя как-то неправильно, её голос утих, а глаза обратились в окно, лишь бы не видеть своего жениха.

— Моя любовь, что случилось? — торопливые шаги сотрясали не столько пол в комнате, сколько сердце уже давно не юной девы.

— Нет, — приложив руку к ноздрям, а после успокоив сердце, леди все же уняла поднимающуюся волной вину. — Нет, ничего, я просто задумалась.

Юные черты лица посуровели, и охотник, ясным взглядом, приподнял одну бровь.

— Приходили Парнасы?

Кандар взял кисти любимой в собственные ладони, и крепко сжал их.

— Я уже устал им повторять, чтобы они не смели плести у меня в семье свои мысли!

Парнасы — семья, живущая в соседнем доме.

— А может, они правы? — слишком тихо, чтобы эти слова слышать, молвила миледи.

Но Кандар услышал. Не ушами... так сердцем, услышал как оно стонет, как гнется, как трясется от холода родная ему душа жёнушки его.

Подобравшись совсем близко, уже уместив одну коленку на кровать, охотник обнял женушку так крепко, как никогда до этого. Он зарылся в её темные локоны, вдохнул их запах, ощупал суженную, любимую, желанную!

— Не правы они. Люблю я тебя одну, и никого больше не полюблю как тебя. И если Парнасы того желают, я поговорю с ними, поговорю так, чтобы и думать не думали, чтобы забыли дорогу в обитель мою!

— Подожди, дорогой, не спеши! Они твоя кровь, они же твоя плоть!

— Моя плоть и кровь здесь. А отцы, что не принимают мои желания, матери, которые не видят моего сердца и сестры, и братья, которым нет дела до старшего из них... не родные они мне.

Подобных судеб, аки звезд в ясный день, не сыщешь, хоть глаз выколи. И муж, и жена ощущали любовь свою по-разному, ведь тот же Кандар готов был променять весь мир на единую, в то время как женщина, желала пожертвовать собой для единого. Их стремления чисты и по-своему детские, но и в этом их прелесть, их шарм. Мало кто в одно время находит истинную любовь, не за внешность, но поступки и дела.

— Мама, папа! — Мию топнула, девочку ещё мало волновали все переживания, все страсти и снасти родителей, потому она по-хозяйски протиснулась сквозь обнимающуюся пару.

«Видит великий Милис, только моему зайчику и позволено разлучить меня с моим сердцем», Кандар улыбнулся, улыбнулась и женщина. Они коснулись друг друга сначала кончиком носа, а после и вовсе соединились в легком поцелуе. Они старались не слишком прижимать свою кровиночку между собой, поэтому со стороны короткий поцелуй мог показаться слегка странным.

Получив определенный лад на лучшее, муж отстранился от жены, давая больше места дочурке, и та, словно её никто не слушал, лишь надула обиженно щёки. Впрочем, почему же

словно? Её и вправду уже третий раз перебили. Первые раз, когда она говорила с матушкой, второй, когда говорила на пороге с папой, и вот, третий, раз перебили совместным поцелуем от обоих.

Смелую роль начинающей взяла на себя мать, ласково взяв Мию за плечи.

— Ну-ну, чего ты дуешься? Говори, ты же хотела сказать что-то важное, — трясти из девочки ответ долго не пришлось. К матери присоединился отец, и вместе, с помощью сильнейшей, а из-за этого, запрещённой магии «Щекотка по телу», им удалось безупречно исполнить роль дознавателей.

Отбиваться от взрослых, так ещё и когда для маленькой девочки они были, едва ли не везде, оказалось сверх меры возможностей. Мию, остановила родителей достаточно взросло. Успев поднабрать в легкие воздух не только на смех, но и на слово: «Остановитесь!»

Вот так, маленькая девочка сошла с кровати, буквально отплыла оттуда, и уже думала драпать подальше, как поняла, что если не скажет сейчас, то в ближайшие часы она не сумеет зайти внутрь спальни родителей. Такое случалось, и какие-то крики, а иногда и непонятные стоны срывались со стен и попадали к Мию в голову. Самое главное, что успокаивало родителей, она ещё была слишком мала.

Так вот, осознав эту истину, она сложила руки в замок, и сузив глаза, по комичному тихо промямлила.

— Злые все вы... — но, на выразительно поднявшуюся руку папы, который начал перебирать пальчиками, как бы намекая на продолжение «пыток», дочка шустро собралась и замотала головой. — Я все расскажу!

— Дорогой, а ты разве ничего не слышал? — перед рассказом дочери, быстро шепнула супруга своему мужу.

— Да разве ж я успел? Секунду назад в дом зашёл, — так же «отшикнулся» отец семьи.

И девочка важно завещала, как если бы её слова являли собой огромную тайну, или же содержали в себе силу, способную рубить горы.

— К нам приехал сам Панацея! Ху-ху!

Родители перекинулись взглядом, но никто, во взгляде другого не нашел и искры понимания.

Тогда они обратились к знающей явно больше, дочурке.

— Боюсь спросить тебя, а кто такой, этот Панацея?

— Вы и этого не знаете? С кем я живу?

— Кхм, Мию, — отец слегка придавил взглядом, но и этого хватило, чтобы его дочка спохватилась и замахала ладонями перед лицом.

— Я... не-не, я не это имела ввиду...

Конечно, будучи маленькой, Мию миновало множество порывов злости её родителей, которые пытались воспитывать дочь в любви и заботе. Только вот, Мать не может выйти за пределы дома без другого взрослого, а отец днями пропадает в охоте или стоит в дозоре. Мию окружали

такие же сверстники, иногда старше иногда младше, но в основном их семьи были более полноценными, чем её.

— Так вот, господин Панацея, это великий маг, который бродит по деревням и городам, и исцеляет нуждающихся! Говорят, за ним можно погнаться по следу из всевозможных цветов, а ещё, где бы он не появился, его сопровождают самые красивые, Красные Лилии! Это такие бабочки, которые никогда не умирают! А ещё вместе с ним путешествует...

Мию всегда приносила домой много-много разных слухов и очень многие из них, так и оказывались простыми слухами. Как например, припомнил отец, как его дочурка распиналась словами, что ночью видела целую толпу людей с красными, горящими глазами и клыками во рту, как у зверей. Естественно все что оставалось сделать Кандару, это отчитать и наказать дочь за то, как та «бережно спала» при свете луны.

Так и сейчас, родители лишь слегка вздохнули. Какие-то имена лились из рта Мии едва не ведрами, и о каких-то горничных, и о ученицах заходила порой речь, мол Панацея берет в ученики только маленьких девочек. В общем, как понял охотник, это была очередная лабуда, приправленная как правдой, так и вымыслами, а где и домыслами.

Как только их дражайшая доченька закончила со словами, на улице уже клонилось солнце.

— А вот скажи, мне, Мию, от кого ты это все услышала? — мать лукаво улыбнулась собственной крови.

— Мора сказала... — Мора была самой... да, той самой, которая и гадать по костям может и знает все будущее, будучи при этом возрастом как сама Мию. — но это неважно, я ведь сама сегодня видела, как к нам приехала его повозка! У них за возницу сам Панацея, а упряжка его держит не лошадь, а точно королевского скакуна!

И вновь на Мию посмотрели со снисхождением. Мать печально улыбнулась и сказала:

— Милая, я вижу тебе очень понравилось про него слушать, но я с большим сомнением...

Как ни странно, остановил её именно муж, вдруг ухватившись за бороду. Он провел пальцами по щетине и вдруг спросил:

— Насколько говоришь, доча, этот великий маг остаётся в деревнях?

Женщина опешила от такого, но сохранила молчание. Мию же расцвела в улыбке и выдала:

— Один день! Это если приедут поздно, то остаются на ночь, они ночью не ездят.

— Хм, отсюда до ближайшей деревни около четырех часов, — соколиные глаза выглянули в окно, где солнце краснело. — должен остаться.

— Дорогой, — руку протянула мадам и ухватила за свою любовь. — ты ей веришь?

— Тут нечего верить. На входе мне взаправду на глаза попался экипаж со странными лошадьми.

Словно то было самым важным, Мию быстро вклинилась в разговор.

— Королевские скакуны!

И Кандар кивнул, уместив ладонь на макушку дочери, он несколько раз провел ею по голове. Думал муж, о том, что могло послужить причиной, и что ему с этим делать дальше. И долго не думал. Подобно давно забытому воспоминанию, охотник сказал:

— Точно малышка, королевские... Послушай, а принеси матушке водицы.

Он перевел взгляд на жену, а та и рада кивнуть, подтвердив тем самым слова.

Мию, с недовольной мордашкой, ведь вместо награды за интересную историю её опять припахали к работе, ушла за водой. Того гляди в один прекрасный день, перестанет она делиться новостями.

Оставшись одни, муж и жена не слишком долго смотрели друг на друга.

— Я пойду, посмотрю.

— Мне не верится, что это именно он, — дама замотала головой, и Кандар её понимал. Он и сам с трудом мог поверить в подобное.

— И все же, если это он...

— Целители просят большую плату, прошу, я не стою того.

— Ты стоишь всех денег мира, и неважно сколько тебе лет, двадцать, тридцать или сорок. Я уже тебе это говорил. Я люблю тебя такой, какая ты есть. А теперь, мне нужно спешить, оберегай Мию.

Почему же сказанные Кандаром слова звучали как окончательное прощание, а его тон голоса так и пестрил скрытой болью? Почему в груди дамы все сжалось в комочек? Их так пугала неизвестность? Будет верно сказать, что они страшились тех слухов, ведь если хоть половина из них будет верна, то цену, которую Кандар будет вынужден уплатить, окажется такой, что тому добровольно придется записаться в рабы, либо же подписать контракт на несколько лет. И он был готов пойти на подробный шаг.

На компактной площади, умудрилась же посреди дороги оказаться совсем не компактная тележка. Снаружи смотрелась она по богатому, но более народ завлекала не телега украшенная деньгами, а тот, кто в ней находился.

Подобно делегации чужой страны, их вышел встречать самолично староста деревни. Однако, стоит заметить, что деревней, по картам мага, данный посёлок был лет десять назад, сейчас же, с небольшой помощью столицы, деревня испытывала быстрые метаморфозы. Можно считать её посёлком на пути к становлению целым городом, и потому же, староста здесь считался уже кем-то, кто чуть ниже дворян. Чуть ниже Барона.

Окромя телеги и старосты с его свитой, на небольшую площадь, сошлась и добрая половина всего селения. Естественно, места «слегка» не хватало.

Втиснувшись в толпу, Кандар сумел пройти к первому ряду. Худое тело не первый раз помогает ему в подобном, но впервые сам охотник, поблагодарил Милиса за подобный подарок.

Он слышал шум и гам, и не смотря на близкое к заходу солнце, во дворе не убывало зевак, а

только лишь множилось. Из множества разговоров ни о чем, слух Кандара привлёк один очень важный.

— Мне говорили, Панацея так и не вышел из своей повозки, — женщина престарелого возраста обратилась к своей подруге одногодке. Та не отставала и смахнув седину с глаз, приложила руку к щеке, ответила:

— И то верно, Маринка. Я ведь с самого начала здесь торчу. Он, когда приехал, да запряг лошадей, так из богатой кареты лишь одна горничная выходила. Мне по секрету, сказали, мол, спит ещё великий маг, и лучше его не будить.

— Какой бестактный маг. Его все ждут, а он и не спешит взять себя в руки.

— Ой, Маринка, так ведь, за свою доброту, Панацея берёт совсем копейки, чего уж тогда нам, простым людям, ждать сложно? Мне, но только мне, по секрету, старший внучок нашептал, что есть у Панацеи целых две наложницы, и отдыхает он, после утех с ними.

— Да ты что!

— Я тебе говорю!

И вот такие вот, «секреты», слышались по всему поселку, и Кандар их обойти не мог. Иногда случалось, приезжали в их обитель знатные люди, но, чтобы такой ажиотаж, это впервые на памяти охотника. Однако, парень не раз и не два убедился, что слухи плодятся не из пустого места, и полностью их игнорировать тоже не слишком то умно. Говорят, мол, он лечит за медяк, значит готовься платить серебряный.

Пускай ничего толком и не происходило, но вот людей меньше становиться не планировало.

Усилился шепот, и люди на удивление Кандара, расступались как волны резались о скалы. Впервые на глазах у охотника, один человек мог продемонстрировать подобный навык...

«Горничная?» Кандар видел, как возвращалась та самая, ушедшая на два часа горничная. Где она была, и что делала оставалось загадкой. Вот, фиолетовые глаза, закрытые стеклами, равнодушно скользнули по толпе, а крепкий шаг, заставлял и самого охотника поднапрячься. Неосознанное влияние фигуры в форме горничной, давило. Кандар моментально осознал, что девушка перед ним далеко не простушка.

— Госпожа Лили, — к ней уже в притихшем поселке, спешил на всех порах местный староста. Он заулыбался своими широкими губами так, что зубы виднелись. — Рад, что мы закончили. Думаю, можно начинать?

— Сейчас проведу юного господина, и если он будет готов, то мы начнём.

Непоколебимым ответ, после чего, горничная заглянула в повозку. Минута, и вот она уже обращается ко всем, своим широким и необъятным голосом.

— Слушайте все! Юный господин готов принимать больных, потому сейчас же, оповестите своих родных, друзей, знакомых, о том, что Нилрем Грейрат, по прозвищу Панацея готов ответить на просьбу каждого!

— Нилрем... — Кандар прощупал имя, которое ранее и не знал, на языке. И ему оно почему-то показалось слишком... большим.

Где-то половина людей разбежалась. Пошли за стариками, ведь нет и никогда не было в поселке столько больных, чтобы одна треть людей разошлась по ним. Как понял, Кандар, мужчины да их жены, ушли за стариками. Кто болячки свои пойдет лечить, кто советоваться у великого мага будет. Честно говоря, это уже не беспокоило парня. Он подтянул ляжку с кинжалом на поясе, и отправился назад домой.

Влетев в собственную обитель, голос подала жена. Как потом помнил Кандар, она спрашивала, о маге и том, что твориться снаружи. Что ж, винить себя мужчина не будет, и его спешка была оправдана. Если к магу столпится подобная армада людей, ни о каком шансе на исцеления не может идти и речи.

Сперва Кандар направился к собственному тайнику, в дымоходе, откуда ловко забралась небольшая сумма. Копилась она конечно не на подобный, форс-мажорный случай — а для приглашение настоящего, более проверенного целителя — однако, большего у него и не было.

После, в руки упала жена. Глаза Кандара словно больше ничего и не видели, кроме как жены, которая прыгает и бежит по городу, на своих ногах. Его не смущало ни то, что сама женщина была «слегка» против — её выдернули с постели, не дав даже минутки на прихорашивание. Естественно дама запротестовала, забила по груди мужа кулаками, начала к нему обращаться с просьбой поставить на место, но... так бурно спешил её муж, что не обращал на все это внимания. Смирившись с положением «принцессы», дама решила закрыться от всех соседских глаз, руками.

«И до этого, меня считали совратительницей мальчиков, а что же обо мне будут думать теперь?!» Обычный стыд не позволил ей заметить, как за родителями, хвостиком, плавно бродила их дочь Мию. Ей нельзя было пропускать возможность увидеть легенду собственными глазами!

Таким образом, семейство оказалось полностью в сборе. Не смотря на полностью противоречивые чувства, которые каждый из них испытывал, им не удалось попасть к Панацее быстро.

Очередь, как позже узнает Кандар сформировалась ещё в те два часа ожидания. Один из помощников старосты своими руками записывал очередность людей.

Обдумав и решив, что он всё-таки поспешил, Кандар, грустно вздохнул, и после того, как и он записался в очередь, на этот раз, самым последним, его глаза наконец заметили злобные и слегка смущенные глаза супруги.

«Если уж, мы в самом конце, то у меня есть время, чтобы себя обмыть», женщина уже даже не спорила с фактом её лечения. Смирилась ещё когда Кандар носился с ней по посёлку, узнавая где же тот самый список очереди, и кто в него заносит.

Кандар кивнул, соглашаясь. Делать в поселке было нечего, а вот обратно домой сходить он ещё успеет.

Так они и ушли, считая, что Мия осталась дома, когда же сама девочка, на самом деле, сейчас находилась за посёлком.

Туда её утащили такие негодяи как любопытство и интерес. По правде, Мия и сама не сразу осознала, что вышла за пределы поселка и миновав поля, уткнулась в лес, вернее в небольшую

стопку высоких деревьев, изредка называемых околком.

Что же так привлекало внимание девочки, что та ушла с отчих глаз и не задумывалась о последствиях, как настоящая дурочка?

О, нечего ей было бояться, ведь шагала она в паре с другой девочкой. Одета в костюм горничной, она и сама смахивая с плеча невидимые пылинки называла себя личной горничной. Гордо выпячивая бантик на груди, ей не было равных в ораторских навыках. По крайней мере в лиге «до десяти лет». Зелёные глаза, два изумруда, темно-красные волосы, и ярко алая бабочка на плече. Сперва Мию показалось, что та декоративная, но после того, как бабочка по команде взлетала, кружилась вокруг двух девочек, а после садилась обратно на плечо горничной, все вопросы о том, откуда досталась подобное украшение отпали сами собой. Творились новые.

Откуда он у тебя? Ее зовут Соната? Это такой вид? А есть ещё? А можно потрогать? А погладить? А как такого достать себе?

Девочка по имени Айша, важно качала пальчиком и отвечала на все вопросы, так, как и сама их когда-то давно задавала. Считая себя едва ли не гуру, она вела себя по-взрослому. Насколько могла по-взрослому вести себя умная шестилетняя девочка.

Их путь, как и говорилось, закончился у околка деревьев, но вот разговор ещё только распалялся.

Поскольку одна девочка уже как три месяца путешествовала по разношёрстым местам, ей нашлось что рассказать, чем поделиться. Почти в каждой деревушке, как эта, Айша находила или одну, или группу детей, с которыми умудрялась важничать больше чем Нилрем важничал с ней. Уж кому-кому, а маленькой горничной, подобные паузы в учёбе казались достаточно приятными, чтобы не считать их затянутыми. Её мать Лили, прекращала свое нравоученье только в такие вот, времена. Айша ласково, называла их: «Каникулами». За весь путь, этих каникул успело насобираться достаточно, чтобы вместе, сложи их, какой-то затейник, получилась бы неделя, а то и две.

А меж тем, чирикание девочек перешло на другую тему. Айша до того привычно рассказывала о том, где побывала, что желала, с кем знакомилась и кого видела, что в памяти и не оставалось моментов с этими пустыми разговорами. Будто не о них говорила, а о погоде, или фасоне одежды.

Когда Айша привычно обмолвилась о магии, Мию естественным порывом языка, спросила о понятном.

«Покажешь магию?» И добавив: «пожалуйста!» Сложила руки в молитвенном жесте.

Тогда горничная поиграла с огоньком, ведь лучше всего, деревенщин впечатлял именно он. Почему-то все яркое, теплое и цветастое впечатляет, и оспорить подобную здравую мысль Айша никаких не могла, ей и самой интересно как её брат может пускать меж пальцев яркую молнию. Заклинания к нему нет, а по словам брата она не могла понять истинного значения электрона.

Дело зашло на территорию магии, и чудеса мышления Мию, ударили по Айше кувалдой, которая изворачивалась, создавая и огоньки, и шарики воды, и камни, и газовые пузыри. Словно тюбик от зубной пасты, Мию коварно выжимала из Айши все до последней капли информации. В деревне не так и много событий происходит, а залетные пташки, как та же горничная, всегда были источниками новых слухов и историй.

В общем, Айша пыталась не уронить собственную репутацию в глазах деревенщины, а деревенщина активно этим пользовалась. Не то, чтобы умная Айша не понимала, что делает её подруга, но все же...

День склонился ко сну. За час до этого, оставив жену дома, Кандар отлучился в посёлок по крайней важной причине. Разыскивал дочь. Поступи он как настоящий охотник, как спец собственного дела и мастер чтец следов на земле, то ничего бы не нашёл. Иногда самые простые варианты и вправду являются самыми лучшими. Сперва в самом селении он, поспрашивал прохожих, и о чудо, некоторые, видели, как его дочь вприпрыжку следовала за пришедшей новенькой. Одежда горничной на детское тело выделяла ту в поселке сильнее любого огненного одеяния, ведь где это видано, чтобы малышка ещё не прогоревшая и десяти лет, уже служила прислугой?

Вот и Кандару это показалось странным, но Нилрем Панацея, был личностью, покрытой загадками, и полуправдой. Понять для чего и зачем, рядовому деревенскому уму очень сложно. Да ему, собственно и не нужно было.

Узнав, в каком направлении утопала его дочь, охотник естественным образом перешёл на бег трусцой.

Определённого места, куда он должен был прибыть, не было, потому оставалось только шаг за шагом бежать вперёд, и...

Резкий болезненный вскрик поднял сердце Кандара к голове. В висках застучало, а ноги налились кровью.

Он отчётливо слышал детский писк, как если бы кто-то ударил ребенка. Самого удара Кандар слышать не слышал, но вот, ожидать, когда же впереди повторно закричит возможно его кровь, он не собирался.

Ухватившись за рукоятку клинка, мужчина перекатом вылетел из густых кустов на крохотную поляну и мигом застыл с глазами блюдцами.

Прямо перед ним, на поваленном бревне сидела одна горничная. Видел он её раньше, Лили, кажется звали. Она, с занесенной рукой, раскрытой ладонью, застыла, и недобро уставилась на самого охотника. Лили лупила маленькую дочь, на вскидку, Кандар дал бы ей семь или шесть лет, не больше. То, что девочка была дочерью Лили у охотника, отпали сомнения, стоило только посмотреть на них вместе.

Картина маслом, слегка омрачалась фактом рукоприкладства, но жизнь слишком паршива, чтобы подобные мелочи волновали охотника.

— Вы ещё долго будете разглядывать мою задницу?! — совсем не по-детски выразилась девочка Айша. Ради лучшего качества «учения», Лили естественно задрала юбку, обнажая ягодицы в плотном бельё.

Не совсем как джентльмен, поступил и сам Кандар. Его дыхание сбилось, стоило ему только осознать, куда, за время раздумий все время смотрел. Откашлявшись, мужчина провинившимся тоном сказал:

— Прощу прощение, — поднявшись на ноги и заложив кинжал обратно в кобуру, глаза

опытного убийцы зверей, метнулись к единственной его кровиночке, Мию, стояла спиной ко всему действу чуть погодя от Лили и с самого начала, просто мерно покачивалась на носках, что-то себе насвистывая. — Моя дочь, уже который час, а её все не было дома.

— Понимаю, дети иногда слишком много своевольничают, — Лили кивнула в знак признания правоты и с хлопком опустила руку. Послышался знакомый Кандару шлепок, а за ним и то далёкое «Ай!», Которое он принял за крик помощи. Впрочем, покрасневшее лицо и капли слез, на глазах Айши лучше всего демонстрировали, как сильно она недовольна своим положением, и как сильно звала на помощь.

— Мама, ну хватит... — жалобно запротестовала Айша, все ещё находясь у матери на коленях. Ей не столько было больно, сколько стыдно.

— Ничего не хватит. Тебе ещё ждут три удара, а после разговор с юным господином, — непоколебимость вместе со строгостью тона, заставили и бывшего охотника пожелать девочке крепиться с будущим.

Сам Кандар, же, поменьше пытался смотреть в сторону матери и её дочери, а больше сосредоточиться на своем чаде.

Взяв Мию за руку, он склонился к ней и с не меньшей угрозой покачал пальцев у крохотного носика.

— Дома тебя ждём серьёзный разговор.

Мию впервые так сильно потупила глазки и так безотказно следовала за отцом, шмыгая носом. Лицо девочки тянули вниз демоны казни. Её животик неприятно крутило в ожидании наказания не хуже увиденного. Она ещё не знала, что Кандар и не думал наказывать дочь как это делала Лили. Все же, Мию впервые так безответственно себя повела. Её отец считал виноватой Айшу.

Лили, к удивлению мужчины, закончила достаточно быстро, чтобы её дочь успела соскочить с колен, несколько раз подпрыгнуть и неприятно зашипеть на боль при ходьбе. Даже не так. Кандара удивила фраза Лили, брошенная уже в спокойной обстановке, когда они вчетвером возвращались обратной тропой.

Без спроса и даже не начиная диалог, горничная Лилия вдруг выпалила свое наставление юному родителю: «Рекомендую устроить ей порку». Кому нужно устроить порку все поняли сразу. И сильнее всего забеспокоилась Мию, незаметно ухватившись за мягкое место.

«Это не обязательно», Кандар ответил на рефlekсах, оспаривать чужое мнение, чем взвешенно раздумывал. «Они отошли не так уж далеко».

Странно улыбнувшись, Лили кивнула. «Ваша правда. Но позвольте уточнить, дети самолично ушли в лес, за посёлок. Если ребенок не увидит последствий, он пойдет туда ещё раз. Если ему и ощутить боль, то лучше от вашей руки и слов, чем от когтей зверя или магзверя» у Лили определенно был отдельный пунктик напротив порки.

«И что же, мне отчитывать свою Мию за то, что ваша дочь увела её за деревню?» Кандар не изменял своим традициям. Он отстаивал невинность дочери, даже тогда, когда это было не нужно. Так уж повелось в его жизни. Не делай он это по поводу себя и своей жены из раза в раз и давление извне заставило бы их расстаться.

Услышав прямое обвинение Айши в её легкомыслии, Лили кивнула.

«Верно. Она была слишком беспечна, поэтому вы слышали, как Айша вскрикивала от моих ладоней. Меня слух ещё ни разу не подводил, но я ещё не слышала вскриков вашей дочери».

Понятно к чему вела горничная своим морозным взглядом и ледяным тоном. Ещё за время обучения стражей во дворце Широла, эта её черта непоколебимого тренера ошутимо обострилась.

Кандар сжал ладони в твердые кулаки и взревел львом, обозвав Лили стервой. Правда всего лишь мысленно. Кандару слегка полегчало, и он наконец начал думать головой. Начал думать, не значит, что умные мысли озвучивались.

Идущие позади девочки, на каждую реплику их родителей, вздрагивали. Айша — меньше, Мию — больше.

«Моя дочь ни в чем не виновата, как бы вы её не обвиняли».

«А кто живёт в этой деревне всю жизнь? Кто знает её границы? Поверьте, если бы я кого-то обвиняла, то сперва созвала бы людей, ведь правда за мной. Вам не хватает смелости наказать собственную дочь? Боюсь вы путаете любовь и баловство. По-настоящему любить родную кровиночку, значит уметь её оберегать. Даже если для этого придется платить её же здоровьем.»

У истоков Лили, как ни странно, стояло желание защитить свою дочь. Не просто физически, но и морально. И если Айша вытерпела все удары по пятой точке, когда её новоявленная подруга смотрела, то ради равновесия справедливости, Лили считала праведным делом, увидев Айша противоположную картину. Или хотя бы услышь угрозу отца той подруги, о точно такой же порке.

В таком случае равновесие восстановится, и виноватыми, как и было изначально останутся оба, оба ребенка будут наказаны.

Искаженное восприятие справедливости и составляло собой основу человека по имени Лилия Грейрат.

«Не матери, которая нарядила свою дочь прислугой, говорить мне о любви».

Время остановилось, или так казалось только маленькой Мию? Девочка ответа не знала, однако видела, как после этих слов, все остановилось. И её ноги, и ноги Айши, которая приоткрыла рот в удивлении, и даже ветер, который так загонялся в уши, и заглушал разговор отца.

«При всем уважении, охотник, или кем вы себя считаете» Лили крепко поджала губы, и сощурила глаза. «Но я не вижу смысла вам влезать в эту глупую ссору».

Если оставить все обиды и предупреждения в стороне, спрятать их в шкаф, запереть на ключ, а ключ по народной традиции спрятать в яйцо, которое спрячут в утке, а ту в коне, а коня в чулане, то Кандар, слегка погорячился. Он осознал ошибку, сказанную секундой назад. Сожалеть ему в мыслях было дозволено не над тем, какой он нехороший, а над тем, что Лили, все-таки горничная Панацеи, и одно её слово, жалоба, указательный палец может решить, останется ли жена Кандара при былом, или встанет на ноги.

Отец заигрался в спасителя от безделушки, когда обещал супруге восстановить жизнь. Ему все ещё казались слова Лили неправильными, жестокими, холодными, словно любовь была чем-то, что можно измерить в цифрах, но её неоспоримый фаворитет у Панацеи лежит в её руке не хуже козырной карты.

Кандар вдруг понял, что если сейчас не извиниться, то может не просто потерять быструю возможность вновь поставить жену на ноги, но и навлечь на себя гнев знаменитого мага, а за ним, возможно и всего поселка.

Задавшись извечным вопросом, как повернуть время вспять, и не найдя на него окончательного решения, охотник вернулся к холодным, уже слегка уязвленным глазам Лили. Её отношения с родной дочерью его не волновали, и все же из-за них, он мог лишиться всего. До чего зла ирония. Второй раз за день он не успел, а когда спохватился, то уже поторопился.

«Мы взрослые люди. И все же моей слабостью, как знают все в поселке, является короткий язык» Кандар слегка приоткрыл свой статус в деревне. «Это и вправду глупый спор, предлагаю забыть о нём, словно его никогда и не было».

«Мудрое решение, но я так и не услышала о вашем решении»

«На счёт чего?»

«На счет вашей дочери»

«Если вашему сердцу так будет проще», Кандар не знал, в чем заключаются мотивы Лили, и почему она так упорно заставляла сказать его эти слова, что пошла на шантаж, однако результат они принесли.

Он редко или правильнее будет сказать, что память о подобных событиях затерялась в молодой голове на века, столь редки были случаи, когда в последний раз поднималась рука для воспитания дочери. Сегодня, он бы этого не сделал и вряд ли бы даже пытался. Мию просто бы выслушала суровую мать и получила бы от отца любимые вкусняшки.

Но... походив с Лили всего несколько минут, и ощутив принципиальность дамочки, Кандар не удивится если она специально проследит его путь до самого дома и собственными глазами убедится, как исполнилось наказание.

Удовлетворена горничная, повела головой, когда их пути разошлись. Айша успела весело подмигнуть суровой подруге, пытаясь хоть как-то её подбодрить.

Пока они шли, Айша уже полностью залечила себе все синяки, но для матери продолжала давить из себя лёгкую гримасу боли.

Работа Нилрема, а по-другому он её назвать не храбрился, заключалась в наращивании авторитета. Особенно, это касалось имени. Нилрем и рад бы выбрать менее мирный способ, как и до этого, во время путешествия с Карлой, Роулзом и Мари, когда Грейрат вырезал бандитов. Но появилась семья, навесили оковы, и вместо страха, путь переизбрали на что-то мирное.

Нилрем Панацея. Прозвище, заработанное за множественное лечение. Часто на безвозмездной основе с одним условием. Множить и распространять информацию о лекаре.

С первого месяца, подобной благотворительности, парень заметил уникальный феномен. Если первые деревушки принимали его с настороженностью, и опаской, что логично. Кто вообще будет лечить за доброе слово?

То уже на начало второго месяца, слухи бежали быстрее модифицированных скакунов Нилрема. Что дико удивляло мага, который считал подобное невозможным.

На смену негодованию, пришло смирение. Да и магу было приятно, как к нему относятся. Как к старцу, мудрецу, учителю...

Нет, когда сознание коснулось последнего слова, Нилрем тут же замотал головой, которая мигом упала в руки, чудом не коснувшись лбом стола.

Учить Нилрем больше не хотел. Мари и Айша, любознательные девочки, а их разница в возрасте и вовсе не мешала им прилюдно называть друг дружку несуразными словечками. Антидотом к тому яду, который они брызгали вокруг, становился вечный «Учитель» и «Брат».

И от одного и от другого, Нилрема начало приветствовать собственное веко, которое дёргалось.

Но, время бежит, девочки учатся, колёса крутятся, а за Нилремом прицепилась и все никак не отпустит его третья кличка. Первые две по слуху, более нравились парню. «Великий целитель» и «Бог исцеления», определенно ласкали уши похлеще, нежели «Панацея». Но на то это и народное имечко, чтобы выбирал его за тебя именно люд простой.

— Спасибо! Спасибо большое! Уважаемый Панацея, да благоволит ваш путь все боги этого мира!

Старик достаточно крепко сжал Нилрему руку, чтобы обычный человек уже запищал. Он когда-то был продвинутым мечником в стиле бога меча, но ушёл в отставку, оставив сверкающий меч там же, где приобрёл сверкающую залысину. Голос с хрипцой, но такой же мощный, как и в былые года прогибался под любезностями.

— Давно мне не было так хорошо! Какие дары за чудо исцеление вы берёте?

С парня же, не спадала маска уважаемой улыбки. Уж за четыре месяца он научился её выдавать. Улыбка слегка дрогнула, рука, ещё не отпущенная стариком, вновь качнулась, а Нилрем выдал:

— Ваше здоровья, для меня важнее любого дара.

Эта фраза, вылетала из его рта более четырех тысяч раз. Более точное количество знал только Нилрем, ведь после каждой из них, он мысленно фыркал, или сплевывал.

— И все же, — старик явно не собирался уходить с насиженного места.

— Если вам так желается, можете добровольно пожертвовать моей семье любую сумму, которую пожелаете за достаточную.

— Ох! Это невероятно щедрое предложение, я так и сделаю, к кому мне лучше всего обратиться?

— Снаружи вы должны были увидеть Карлу, она занимается приёмом пожертвований.

— Очень хорошо!

Старик отцепился от Нилрема и почапал из кареты, выбравшись наружу уже без помощи трости, он показался своей семье из троих взрослых детей и такой же радостной жены-старушки. Они вместе обнялись кругом, а после отошли в сторону, скрывшись из обзора кареты.

Выглянув за её пределы одним глазком и им же насчитав ещё десять немощных стариков и их внуков, Грейрат во всеуслышание, уже пятый раз объявил:

— Перерыв на десять минут!

Несколько ближайших состроили грустные мордашки, словно их водой холодной облили, и оставили мёрзнуть на улице в метель, что неудивительно, они ведь почти успели. Нилрем только скривился, благо успел прикрыть кривое лицо рукавом и прикрыть вход в повозку цветным тряпьем. Он осел на личное место, выгнул грудь колесом и выдал из себя муки страдания, Прометея.

Пройдясь по лицу ладонью и помассировав ею мышцы лица, в особенности ноющие скулы, великому магу был назначен обед.

Свечи в лампах слегка колыхнулись, когда за мгновение, рядом с Нилремом на подносе уже медленно испускала пар горячая еда.

Мари оказалась в непосредственной близости быстрее, чем её учитель успел пискнуть, как он раньше, её звал к себе.

На подносе лежали легкие закуски и чай. Маг обошёлся тем, что мановением руки подтянул к себе кружку, совсем не касаясь закусок.

Мимолётные, как бы незаинтересованный взгляд Мари тут же посмурнел, а сложенные сзади ладони слегка сжались. Это ещё ничего не значило, но все же, она готовила, а он не попробовал.

В её голове промелькнуло огорчение.

— Вам не нужно так себя изводить, — подав свой голос, он ощущался бесстрастным, сухим. — Учитель, ваша слава уже обходит вас на километры вперёд.

Нилрем вдохнул пары чёрного чая и закрыл глаза. Единственное, что приносит ему покой и прошлое. Безмятежность и простоту.

— Покуда моя слава не будет обгонять меня по всему миру, останавливаться я не намерен, — не было в словах Нилрема терпкого привкуса чая, в них была хрупкая сталь. Не знал Грейрат куда ушли родные, куда подевался Пол вместе с Норн, куда направляется Рудэус и как поживает Зенит. Их всех ещё предстоит найти, обеспечить им комфорт, стабильность. При душе из золота это сделать проще простого. — Кстати, Мари, как ты? Справляешься?

— Конечно, Учитель, ваши уроки не могли пройти даром, — Мари кивнула, когда парень приоткрыл глаз и мазнул им по девушке. За последние месяцы, та словно подросла на целые годы. Нилрем нахваливал её в мастерстве кругов, ведь та не слишком отставала от самого мага, но вот исцеление ей давалось с трудом. И даже так, Мари тоже набирала себе кусочек больных, тех что попроще, и лечила их, тем самым упрощая жизнь Грейрата в разы. — Будь моя воля, и вам не пришлось бы лечить всю ту чернь.

Сидел бы здесь их старый знакомый полуэльф и подавиться ему чаем. Жаль, что некому в этой повозке отругать девочку за подобные слова, сейчас, её только одобрительно поддерживал кивком Нилрем, ведь и сам считал деревенских не более чем слугами, чернью, ступеньками на пути к величию. Что-то такое, вечно вертелось рядом с магом крови, но мало кто мог дать определение тому, что ощущал в нем. Одни называли Нилрема высокомерным снобом, вторые упёртым выскочкой, иные же заносчивым мальчишкой. Каждый по-своему оказался прав. Дай волю характеру, и без присмотра, как Нилрем Грейрат, без зазрения совести будет считать девяносто процентов населения земного шара не более чем пылью под ногами.

Окажись здесь Роулз, он бы понял, как губительно на Мари действует Нилрем, поддакивая ей с такими словами и формулировками. Ведь если сам парень в нужную минуту умел скрывать свой образ мышления, притворяясь «нормальным», то у Мари такого опыта ещё не было. У неё есть уважаемый в больших кругах покровитель, Нилрем Панацея, и будучи его ученицей, ей волей-неволей перетекает его же качества. Учитель передает ученику не только знания, но и манеры мыслить и собственные недостатки.

— Впрочем, твое стремление получить собственное народное имя похвально. Как и ожидалось от моей ученицы, — залпом высушив чашку чая, Нилрем отложил её к остальному гарниру. Он так и не поел. — Хм...

Под прицельным взглядом Учителя, Мари, признаться честно, никогда не ощущала себя нормально. Глаз магической силы, который Нилрем получил от Киширики, действовал на неё слегка странным образом. Девушка до конца пыталась держаться мысли, что дело именно в магическом глазе, и его скрытых свойствах, и уж никак не в том, что под внимательным взглядом Учителя она ощущала себя практически голой.

— Твой запас маны почти на нуле, — шагнув к девушке вплотную, ладонь парня ловко скользнула под лёгкую белую блузку без рукавов, тут же нащупав живот.

В то же время, Мари отступила на шаг и пискнула. Не помогло. Её Учитель все так же внимательно, со всей серьёзностью, исследовал нутро ученицы. Холодные пальцы скользнули по горячей коже, как лёд и пламя, они не могли не вызвать ответной реакции в качестве пара или... в случае девушки то было ещё большее смущение и активное потоотделение. Сердце забилось ещё быстрее, а осознание того, что Нилрем, это ощущает, буквально видя Мари насквозь, ещё сильнее её стыдил.

Единственный момент, из-за которого Нилрем ещё не отдернул руку, от ученицы которая в скором времени расплывется, как кубик масла на сковородке, было его искреннее желание узнать, не навредила ли Мари себе, пока использовала магию.

Магоистощение, это серьезная проблема, от которой по незнанию, слегал сам Нилрем. Конечно, то были беззаботные детские года, когда организм ещё подстраивался, но сейчас то размер кладезя маны не растёт, и расти, по словам каждого встречного мага не будет никогда.

Убедившись, что все в порядке, и ничего не угрожает Мари, Грейрат убрал руку с горящего организма.

— М-могли бы предупредить, — вполне довольно произнесла Мари. По её лицу, парень и сказать не решался, что ей что-то не понравилось или она чем-то обижена.

— Это лишнее, — потому он махнул той рукой и уселся за привычное место. — Твое здоровье важнее этой мелочи, и не ей стоять между мной и тобой. Лучше скажи мне, сколько мы заработали на деревенских?

Придя в себя и откашлявшись в кулачок, Мари повела глазами, выглядывая ими наружу, отворачиваясь от Учителя.

— Тётя Карла ещё не подбила итоги, но я спрашивала часа два назад, может раньше, и тогда уже мы достигли уровня прошлой деревни.

Парень кинул, словно давно знал это.

— Чем ближе мы к Милисиону, тем больше у людей денег, это не так удивительно, как-то, что слухи так сильно разрослись.

— Учитель, мне казалось, вы не против.

— Мое мнение, простому люду интересно так же как магзверю интересно узнать, какие труссы я на себя напялил.

Юморной момент привел на лицо бесстрастной Мари толику улыбки. Нилрем не умел шутить, но девушку это не останавливало. Про себя она важно кивнула, отвечая на незадаанный вопрос:

«Черные».

Их диалог метался из одного в другое. То рассказ пойдет о том, сколько ещё оборотов колеса до несчастной столицы Милисион, и как же Нилрем устал выполнять работу домашнего лекаря и мессии. Девушка, его вечная слушательница, спокойно, и даже как-то по-взрослому кивала, поддакивала, когда слова Нилрема блуждали по делу «неблагодарных крестьян и их мизерных пожертвований», и так далее. Десять минут, а за ними и двадцать, Учитель Мари уверенно и смело выдавливал из себя всю грязь которую скопил за столько часов непрерывной работы в целительстве. Но, не только это они делали.

Грейрат признавал, что говорить о себе и своей персоне может и приятно в кругу знакомых, но все же, слепцом он никогда не был. Потому вперемешку слов Нилрема, Мари не отставала, и даже в чем-то признавалась. Как в том, когда один раз, в прошлой деревушке, ей признался в своей любви один парень. Припомнить его имя девочка уже не могла, пускай и виделась с ним неделю назад. Так вот, опуская лишнюю шелуху, которой так обильно делилась на взгляд Нилрема, холодная Мари, случилось не просто признание, а ещё и публичное выяснение отношений. Ученица Грейрата и слова плохого сказать тому парню не успела, как из ниоткуда вылетела, как позже выяснилось девушка того паренька. А за ней и ещё две, и все втроём, они считали святым долгом упрекнуть паренька в развратности. Парень тот был первым жеребцом на всю деревеньку, сын старосты, ещё и рукастый, и потому заслужил он себе больше внимания, чем должен был бы иметь.

Рассказав эту историю, Мари удивилась с какой тщательностью и внимательностью, её слушал Учитель. Он даже позабыл выпить вновь полную чашку чая, которую Мари наполнила перед рассказом.

— Так ты ему отказала... мудрое решение.

— Отказать, то отказала, мы слишком разные в статусе, — как само собой разумеющееся, девушка смахнула свой хвостик рукой за спину. — Но вот что меня беспокоило больше его признания, так это почему у него было три девушки?

Рука великого мага дрогнула, застыв с чашкой чая у самих губ. Нилрем отметил внезапность вопроса, и похвалил свою удачливость, ведь если бы не она, то он определенно поперхнулся

бы от неожиданности.

— Разве Лили, или Карла тебе не пояснят это лучше меня? — попытавшись воззвать к старшим, Грейрат через секунду признал, идея эта была провальной.

— Они отмалчивались, когда я спрашивала, почему один мужчина может иметь много женщин, — в какой-то момент, Мари оказалась очень близко к столу Нилрема, возложив на него свои руки, опираясь на край стола всем весом и примагничиваясь личиком к той же чашке, которую парень ещё не убрал от своих губ. — А из старших, кроме вас, Учитель, больше никого и нет.

Это была наглая ложь. Девушка получила ответ и от Лили, и от Карлы, но по заветам своей соперницы Айши, она манипулировала фактами и предположениями, лишь бы получить ответ конкретно от Нилрема. Пускай милое и невинное личико Мари сияло краше всех алмазов на земле, но за ним скрывалась чистая обманщица.

— Что ж... — разговоров на тему многоженства Нилрему как раз «не хватало». Он бы и рад спрыгнуть с щепетильной темы или скинуть её на Лили или Карлу, все же две опытные женщины и постеснялись говорить о подобной теме? Здесь точно было что-то нечисто.

«Видимо они посчитали Мари ещё слишком маленькой», так обобщил Грейрат ложь Мари.

И пока рубиновые глазки сверкали пуще прежнего, своим любопытством, юноша отметил, как же быстро растёт дитя.

Свечи в карете дрогнули, а их свет колыхнул неподвижные тени.

— Тот пацан, как «первый парень на деревне», просто имел подобную возможность и желание, — казалось, что на сокровенный вопрос ответили слишком просто и обобщённо. Мари испытала настоящую вселенскую печаль. Как если бы родилось здоровое непонимание, с какой стати, вопрос на тему «В чём смысл жизни?» закончился ответом «сорок два». — Не считаю, что здесь есть что-то, о чем ты не догадалась бы своей головой.

— Но ведь, есть же заветы Милиса.

Мир, в который попал Нилрем, отличался старинными нравами, где кто сильнее тот зачастую и прав. Удивительным открытием было найти на его необъятных просторах старую мораль мира двадцать третьего века. Один мужчина, одна женщина, ни больше, ни меньше. Подобные правила отлично работают в городах, таких как столица Милисион, или этот негородок. Там, где нет проблем с населением. Но стоит лишь отойти подальше, как можно узреть, что даже на территории королевства Милис не все придерживаются подобного закона и чтут его скорее из привычки нежели по-настоящему. Окажись в небольшом поселке на сто человек, перевес в сторону женщин, и как поступать им? А если часть мужчин ушли на войну? А если все наоборот? Всем разойтись, потому что посёлок встал из-за нехватки рабочей силы? А если они жили там поколениями и давно закоренели в данной зоне?

Слишком нерешительны законы и постулаты священников. Они отлично работают, когда все хорошо, к печали всех и каждого, жить хорошо удается не всегда.

— Как тебе, верно известно, Пол — мой отец, изменил Зенит, моей матери которая с детства считала это непростительным грехом, ведь придерживалась законов Милиса. Её так воспитали, в отличие от людей Асуры, которым эта мораль не слишком то и давит на голову. Потому тамошние аристократы берут себе в жены и двух и трёх женщин.

— М... — опустив глаза Мари осунулась. — это же неправильно, верно?

— Не мне судить. Скажу тебе так, не случись Пола и его похождения, ты бы утратила свою соперницу. А если бы моя мать Зенит, не соизволила поддаться на его ласки, после измены, то... — Нилрем слегка приоткрыл себе видение альтернативного варианта событий, где Лили все же уходит, а семья разваливается на части. Определенно, это было бы лучшей точкой, чтобы уйти из семьи. — Ты бы не встретила меня. В каком-то смысле, у тебя должок перед Зенит, которая приняла вторую жену и переступила через свои принципы. Сильный поступок.

— Ясно, — и вот, наконец-то, молодая барышня нашла в себе силы нервно сжать свою лёгкую блузку и выпалить робкие слова вполголоса. — А вы, учитель...

Нилрем перевел на ученицу взгляд, всматриваясь в её блуждающие глаза.

— Что такое?

— Эм... а вы бы х-хотели одну, или двух жён?

Пауза в карете далась девушке сложнее всего. Она наконец решилась спросить о, как Мари считала, очень важном. Только мнение Нилрема сейчас было интересно, только его слова, его губы, его взгляд, и никого более ей не нужно.

— Мне... пока ещё рано слышать о подобных вопросах. Не говори, словно у меня уже есть две пассии, — подняв руку в жесте, который не истолковать никак иначе кроме «разговор окончен», юный маг допил вторую кружку чая. — Хороший получился напиток, а теперь, зови оставшихся больных.

— Вы же ещё не ели ничего...

— Мари, подобной закуской ты будишь во мне зверя.

— Значит дело в количестве? Я все исправлю. Завтра же утрою порцию!

— Ты... — заканчивать Грейрат не стал, переведя взгляд в окно и отмахиваясь от надоеды.

Та восприняла это по-своему, и просто кивнула, покидая карету.

А после, ночь продолжилась, и вместе с болячками чужих людей, просыпались и собственные болячки. Одной из таких, была маленькая непоседа, пришедшая аккурат под конец последней танцующей от радости женщины в возрасте. Рядом с ней, под лунным светом, точно так же кружился мужчина охотник.

Все разошлись, а бывший базар превратился в одну большую пустынную пустыню. Вернее, так могло лишь показаться. По домам сегодня проходил праздник, ведь всё старшее поколение опять в строю, а те, кто ранее болел вернулся к норме. Потому шум от пьянок копытом доставал и до кареты Нилрема. Много ближе, его уши ласкало горло Карлы, которая пела Джинкс колыбельную, и тише звучал голос Мари, которая пересчитывала выручку.

Определенно, не хватало одного тонкого голоска. А его источник почему-то тихо-молча сидит рядом и пытается показать, что ничего не случилось.

— Итак.

Нилрем присел рядом с сестрой и положил той на голову свою руку.

— А старший и справедливый брат знал, что сестренка его очень сильно любит? — оказалось, маленькая девочка удивительным образом снизошла до подобных оборотов. К чему клонит Айша пока что Грейрат не понимал, и потому кивнул, поглаживая девочку по голове.

Та широко улыбнулась, хихикнув, а после обняла брата и укутав лицо в его груди спросила.

— А чуткий и большой брат тоже очень сильно любит свою сестрёнку? — вопрос вышел глухим, поскольку обнимали парня изо всех сил.

— Люблю, ну как же мне не любить свое сокровище?

Макушка девочки ощутила мягкий тычок губ брата. Лицо малышки расплылось в ещё более широкой и блаженной улыбке, да так, что на мгновение она позабыла, с чего начала этот натуральный сыр-бор, в котором ей подыгрывает брат.

— Если уважаемый брат так любит свою сестру, разве не будет он её лелеять и говорить какая она хорошая? Хах! Ня-няет! Ха-ха! Ха-ха-ха!

Подобно самому безобидному, но в то же время самому заразному вирусу, а планете, смех Айши заразил и Нилрема. Пускай он начал её терзать ужаснейшим из способов, применив щекотку, но он имел свое право. Сестрица определенно что-то темнила и в таких резких порывах нежности от Айши, Нилрем видел скрытое дно. Слишком часто, таким образом сестра выпрашивала в прошлых селениях себе кучку барахла, которое она называла милыми вещами.

Айша просила купить их только Нилрема, ведь Лилия укоризненно качает головой и запрещает дочери маяться подобной дурью, тем более, когда им столь сильно нужны деньги.

Внутри кареты, задернув занавеску, посмотрела одним глазком своим стеклянным Лили. Увидев, как нежно юный господин обходиться с её дочерью, она кивнула, ощущая на душе странное спокойствие. Будто смотрит на горизонт тихого моря, или сидит посреди бывшего и любимого Зенит сада.

«Я выбрала для дочери, лучшего господина», её привычка думать подобными категориями, не нравилась Нилрему, но ничего сделать с ней он не мог, да и не собирался.

Воистину, Лили видела подобные умиротворённые забавы брата и сестры лишь в собственных снах, которые под утро вечно забывала. Как мать, её терзали мысли сомнения, понравиться ли Нилрем дочери? Примет ли она его? Примет ли сам юный господин дар Лили, её родную душу?

Горничная могла до бесконечности радоваться, и принимать сбывшуюся мечту, от которой сердце улетало ввысь... Собравшись уходить, решив поговорить завтра, в лучшее время, её неожиданно окликнул юный господин.

— Лили, если не покажешься сейчас же, с тобой я сделаю все то же самое, что сделал с Айшей.

Полуулыбка украсила лицо пышной в определенных местах, женщины. Ей наверняка хотелось бы увидеть, как именно юный господин будет исполнять свою угрозу, но раз уж, он её зовёт, значит сама судьба распорядилась так, чтобы разговор произошёл сегодня.

Взобравшись в карету, горничная иной раз ощутила сильный перепад температуры. Внутри было заметно теплее.

— Вы меня звали?

Глаза Лили опустились на сидящего в одиночестве Нилрема, который, закинув ногу на ногу с усмешкой, стрелял глазами отнюдь не в неё, а в маленькую копию Лили. Та, прижавшись к бортику стояла в самом дальнем углу, и подражая пугливому котёнку, резко дёргалась на каждое движение братца.

— Вижу у вас не все заладилось, — спросила Лили.

— Не соглашусь. У нас все хорошо, правда же, се-стри-ца? — растягивать слоги получилось до того искусно, что на пугливое личико Айши, выросла корка отважной улыбки.

— Хах! Конечно, бра-те-ц!

Айша фыркнула на мать, а та, поправив стекляшки, сверкнула зайцем пламени свечи.

— У меня голова на пределе, потому, Лили быстро расскажи, с чего это Айша тихоней затаилась ко мне, а после пыталась выудить защиту, словно она напакостила и не признается.

Айша было открыла рот, но ничего толкового не нашла в голове и тут же его прикрыла. Лили, на провальные попытки дочери, оправдать свой хрупкий статус, лишь ещё разок сверкнула очками.

— Боже-боже, я думала она вам уже все высказала, юный господин.

— Каюсь, пытка не удалась, — Нилрем просто пожал плечами.

— Меня пытали?!

— Ты держалась с достоинством, присущим Грейратам, гордись собой.

Лили захлопала, а через секунду к ней подсоединился и Нилрем. Фразочки по типу «Поздравляю», больше раздражали своей насмешливостью.

Комедия быстро сошла на нет.

— Итак, я жду.

Слова из Лили полились лёгким ручейком, не знающим начала и конца, стыда и совести. Впрочем, рассказывать особо было нечего, разве что о Кандаре и его дочери... и тех, Лили посчитала неважным элементом, как никак, судили Айшу, а не подругу и знать хотелось именно о судьбе сидевшей рядом мини-горничной.

С каждым словом матери, которая не оставляла шансов для словесного побега, Айша становилась все тише и тише, под конец просто обречённо мотыляла ногами в воздухе. Лицо ее покрылось стыдливими тенями. Айша непреднамеренно выражала проведением настоящее сожаление. Не пытаясь спрятать все за маской милой сестры.

Ищущей у ещё ничего не подозреваемого брата заботы и защиты, она действовала на опережение, но ведь не было в этом ничего, что парень посчитал бы постыдным.

Разве нужен повод, чтобы защищать семью? Родных людей?

— В общих чертах, я услышал тебя Лили. Айша, что скажешь ты?

Как перед главой семейства, отцом Полом, Айша аккуратно бросилась в собственные мысли на секунду, и после смирившись с тем, что лучшим ответом будет правда, ответила:

— Мне нет оправдания.

Закончилась последняя буква, как Нилрем моментально принял более серьезное положение и сказал:

— Понятно. Тебе было весело?

— А?

— С той девочкой? Тебе понравилось говорить с ней?

— А, ну... она больше слушала, и только и требовала больше показать, но я не заметила, как прошло много времени.

Панацея улыбнулся.

Есть такое время, когда люди приедаются друг другу, и правда состояла в том, что Лили и Айша проходили этот неприятный период с Нилремом. Если у Лили это было незаметным, то Айша, большая часть работы которой, в последние месяцы заключалась в том, дабы учиться, начала показывать результаты хуже прежнего. Делать ошибки больше предыдущего и прочее оттенки слишком однотипной жизни. Брат не желал своей сестре подобного застоя. А вывернуть себя на противоположного добряка, как Рудэус, он не мог. Айше нужно было чужое общение. Во дворце её всегда ждала прислуга, рыцари и даже принцы, а здесь в повозке? Была Мари, жизнь которой началась с кареты, ей все нравится и так. Карла — молчаливой матушка, с которой не поговорить, с Лили, о которой малышка знала больше всего и не находила интереса.

— Это хорошо. Общаясь со мной одним и враждуя с Мари, я боялся, ты утратишь некоторые из навыков.

Для растущего организма, коим Айша безусловно является, это один из важнейших ингредиентов. Потому люди, с которыми можно поговорить важны и нужны так же, как воздух и вода.

— Если ей было весело, то прости Лили, но придется поубавить пыл.

— Как... будет ваша воля, юный господин.

— Не серчай, Лили, я говорю мудрость, разве нет блаженства больше, чем найти равного себе?

— Вы правы.

— В таком случае, Айша, ты свободна от наказания, тебя помиловали.

Грейрат ещё осмотрел девочку своим глазом магической силы. Оценив, что маны достаточно, и ничего сверх меры не потребуется, он закрыл два глаза и принялся подниматься вверх.

Сколько бы не тужился Нилрем, а его запасы маны все такие же, какими и были год назад. Он опустошил себя где-то на две трети, и усталость витала тучной аурой, обволакивая парня ареолом. Он скрывал свою слабость, считая данный факт мелочным недостатком, который не подлежит рассекречиванию. «Никто не должен знать, как мне сложно, никто не должен видеть

моей усталости», Нилрем мыслил очень однобоко, и все же, именно это волевое усилие помогло ему выйти с повозки, не упасть на Айшу, которая в «благодарность за спасение от гнева матушки», вцепилась тому в рукав, и мерно подойти к палатке.

Его сознание слегка плыло, а цельные зерна внимания успевали заметить только самое важное. Как от, Мари, которая по новой вцепилась в Айшу, приговаривая что-то о «я могу себе позволять» и «Учитель мой», или вот, как Лили уложила его к себе на колени и спокойно гладила волосы, а так же, Карлу, поющую то ли Джинкс, то ли ему колыбельную.

Нилрем не запоминал, как он дошёл до выданного дома, как рядом закружились его родные, как Айша и Мари дрались в битве слов и интеллекте, кто будет спать с Учителем/Братом. Сознание Грейрата потихоньку ныло, цепляясь изо всех сил за реальность. И чем дольше он оставался в этом состоянии, тем дальше он проваливался в сон.

Туманным словом, легким бризом теплоты и ласки, всем этим маревом иллюзий он отгонял от себя проблемы прошлого, нынешнего и будущего.

В один момент, прекрасный сон начал пересказ.

Тот день, где он сидел у фундаментального древа, с телом ещё мельче текущего, а рядом Рудэус важничал с наставлениями Сильфи, рассказывая ей о тайнах магии, о том, чего до недавнего не знал ни Нилрем, ни Рудэус. И тогда, Нилрем ощутил, как на руках твердеет корешок книжонки. Подаренная Зенит, такая большая и родная, прочитанная бронзоволосым пареньком. Он кстати, махал мечом совсем бездарно, слишком легко, чтобы разрубить булыжник, слишком сильно, дабы рассечь летящую по ветру листву, но тот же страж Эктор не опускает руки и надзирателем, смотрел за Рутрой.

А совсем рядом с Нилремом, его рукой и книгой, сидела Мари. Красноволосая с двумя хвостиками, она по детски склонила голову на бок, и тихо спросила:

— Тебе сейчас приятно?

Небеса дышали чистым днём, а солнце, словно соткано из ласки и добра, не оставляло никаких тревог.

— Конечно...

Ответ Нилрема вызвал легкий летний ветерок. Теплый и приятный, он ласкал лицо девочки и мальчика, притягивая на их лица улыбки.

Нилрем окинул взглядом всех знакомых, коих собралось не меньше целого десятка. Над его ухом пропел ветер самую желанную фразу:

— Тогда... остаёмся?

Простой вопрос. Сон, он ведь должен быть таким. Приятным, мягким, теплым. Далекий сон что сокрушал волю многих, кто его увидит. Таким мог быть и Грейрат, если бы его сердце в груди застыло. Однако...

— Нет.

Нилрем поднялся с теплой землицы, умоляющей его остаться подольше. Оттолкнулся спиной от могучего дерева, единственного на вершине холма, и пошёл вперёд. Он оставлял позади и

брата, и его подружку, и друга с дядей, которые безмолвной куклой озирались на его одинокую спину.

— Ещё не время.

Чудесный сон, навеянный минутной слабостью, менялся. Ранее творение природы, сменились рукотворным домом. Его родным поместьем с садом, где мерно расхаживала Зенит с Норн на руках, и Лили, держащую за руку Айшу. Они не смели останавливать Грейрата.

Великий маг пришёл домой, великий маг немножечко устал.

— Мне нужно больше...

Дверь закрылась, стоило Нилрему войти в дом. Его осмотрел с головы до пят человек стоящий рядом. Отец Пол, весело хмыкнул, и поддал парня по спине рукой, проговаривая: «Иди».

Нилрем помнил, как однажды безрассудный отец, ещё на первое день рождение говорил красивые слова.

«Внутри каждого мужчины должен быть меч...»

Великий маг ушёл от приятного, ушёл от хорошего, зеленого и теплого сна. Его работа не закончилась. Ещё нет.

И вот, носки остановили ход прямиком перед последней преградой. То была очередная дверь, но не обычная, коих в мире не счесть рукой, а металлическая. Дверь за которой прятались дальние воспоминания, приобретённые в прошлой жизни.

И эта дверь отворилась, а ступающий на порог дома знаний Нилрем, не собирался отдыхать во сне. Он будет учиться даже в нём, тогда, когда никто не видит, там, где никого нет.

<http://tl.rulate.ru/book/84638/3356566>